

Святилище Улиса в его ипостаси лунного бога находилось во тьме катакомб под городом Амало. Святилище было основано тысячу лет назад, и барельеф на постаменте, изображавший четыре фазы луны, почти стерся от прикосновений многих поколений верующих. Статуя божества давно исчезла, но постамент остался.

Это место, знакомое всем местным прелатам Улиса, часто использовалось для совещаний и встреч, поскольку здесь можно было поговорить без свидетелей. В Улистэйлейане, где проводились официальные аудиенции, у стен были уши.

Дач'отала Вернезар, Улисотала — главный прелат Улиса — города Амало, был чистокровным эльфом среднего возраста. Будучи весьма честолюбивым, он нацелился на пост архиепископа, хотя нынешний архиепископ, молодой здоровый мужчина, вовсе не собирался подавать в отставку. Я ни на минуту не забывал об амбициях Вернезара, о том, что каждый его шаг тщательно продуман и рассчитан и он заботится лишь о собственной выгоде. Так что, когда я получил приказ явиться в святилище, у меня возникли серьезные

опасения: мое появление в Амало не вызвало, мягко говоря, восторга у местных прелатов.

Свидетелем Мертвых меня назначил сам глава церкви. Князь Орченис встретился с архиепископом и попросил его отправить меня в Амало на неопределенный срок по двум причинам. Во-первых, в городе не было Свидетелей, подобных мне, — прелатов, которые *действительно* могли говорить с мертвыми. Во-вторых, сообщество прелатов Амало представляло собой, как выразился князь, «змеиное гнездо», и служители Улиса были хуже всех. Архиепископ не принуждал меня принимать назначение в Амало, но я согласился с князем Орченисом — здесь во мне нуждались. Амаломейре — управление делами церкви — назначило мне скромное содержание за то, что я сидел в конторе размером с платяной шкаф и ждал, когда жители Амало придут ко мне со своими проблемами.

Первые посетители появились не сразу, но постепенно горожане все же начали делиться со мною своими печальями и надеждами. Чаще всего их ждало разочарование, потому что я не владел магией, как это обычно показывают в операх и описывают в романах. Я не умел отыскивать ответы среди праха, а если все же находил их, они часто оказывались неудобными, а порой и катастрофическими. Тем не менее горожане продолжали обращаться ко мне с просьбами, и я не мог им отказать.

Сегодня у меня побывали три посетителя, которым я не смог помочь. На спор с одним из них ушел почти

целый час. Потом до меня дошли новости о двух делах, по которым я выступал в качестве Свидетеля, — оказалось, что лорд верховный судья Оршевар вынес неблагоприятное решение. За этим последовали долгие и бесплодные поиски на Ульваненси, муниципальном кладбище Квартала Авиаторов. Я начал поиски по просьбе одного горожанина, который считал, что его беременную сестру убил ее муж. Вместе с нерожденным ребенком. Сначала я просмотрел книгу регистрации, потом долго бродил среди могил, читая надписи на надгробиях и отыскивая имена, которых не было в регистре. Я устал и был с ног до головы покрыт кладбищенской пылью, когда Анора Чанавар, прелат Ульваненси, наполовину гоблин, принес мне записку Вернезара. Я едва не поддался слабости и пару минут даже думал, что не пойду.

Анора пошел со мной, хотя мы почти всю дорогу спорили.

— Тебе нужен свидетель, — упрямо повторял он. — Я знаю Вернезара лучше, чем ты.

— Тебе не стоит привлекать к себе внимание начальства, — возразил я в третий раз.

— Он не станет мне вредить, — продолжал настаивать Анора. — Отняв у меня бенефиций, он лишь получит новую головную боль, ведь тогда ему придется искать на это место другого глупца. Вот увидишь, он притворится, что меня там просто нет.

Анора был прав, и это быстро выяснилось. Вернезар на мгновение встретился взглядом с прелатом, но сразу отвернулся, чтобы скрыть неловкость.

Когда я разглядел спутницу Вернезара, у меня упало сердце. Отало Занарин решительнее всех возражала против моего присутствия в Амало. Это была эльфийка, довольно красивая, хотя ее красота казалась холодной; она была на несколько дюймов выше меня, но уступала в росте Аноре. Она работала на Вернезара, но я знал, что он ее побаивается. Отало Занарин тоже была честолюбива, у нее имелись связи среди начальства; сам Амал'отала, верховный священнослужитель города, прислушивался к ней.

— Добрый вечер, дач'отала, — заговорил я. Занарин демонстративно поморщилась при звуках моего голоса, грубого и сиплого — следствие болезни сесива, эпидемия которой разразилась в Лохайсо, когда я служил там прелатом. Я давно не обращал на хрипоту внимания, если не считать тех случаев, когда окружающие, подобно Занарин, напоминали мне о ней.

— Добрый вечер, Келехар, — поздоровался Вернезар. — Прошу меня извинить за то, что притащил вас в это подземелье. За время пребывания при Унтэйлейанском Дворе вы, конечно, привыкли к роскоши. Но поверьте, эту проблему нельзя обсуждать в Улестэйлейане.

— Вот как? — пробормотал я. Он сказал «меня» вместо официального «нас», и это еще больше меня насторожило.

— Формальности сейчас ни к чему, — улыбнулся Вернезар, и я мысленно поблагодарил Анору за настойчивость. Он оказался прав: свидетель был мне необходим. Прелат продолжал:

— Я просто хотел узнать, сможем ли мы прийти к соглашению.

— К соглашению? На какой предмет?

Мне ответила Занарин:

— Дач'отала Вернезар желает сделать вам необыкновенно щедрое предложение.

Занарин сразу меня невзлюбила, отчасти потому, что именно я по поручению императора Эдрехасивара VII раскрыл убийство его отца, Варенчибеля IV, и арестовал заговорщиков, последователей философа Курнара. Возможно, ее раздражал и тот факт, что меня назначил на пост Свидетеля Мертвых лично архиепископ. Одно лишь это означало, что я по рангу стоял выше всех прелатов Улиса города Амало, за исключением Вернезара.

Такое положение вещей не нравилось никому, и меньше всех самому Вернезару.

С другой стороны, в качестве прелата, не имеющего бенефиция, я по рангу стоял ниже всех, кроме учеников. Занарин первой привела этот аргумент, и остальные поспешили поддержать ее. Они настояли бы на своем, поскольку этот довод, в принципе, был весомым, если бы не возражения Аноры и других прелатов, служивших на городском кладбище. Дело состояло в том, что сравнительно мелкая проблема моего положения в местной иерархии была связана с другим, более серьезным и давним разногласием между прелатами Улиса города Амало. Разногласие касалось критериев, по которым следовало оценивать бенефиций прелата. Некоторые выступали в пользу

размеров дохода; другие, в частности Анора, утверждали, что главное — это число прихожан и площадь прихода. Существовала также фракция, выступавшая за дату основания бенефиция. Ожесточенные споры привели к расколу среди священнослужителей, и проблема до сих пор не была решена, что, как мне казалось, многое говорило об организаторских способностях и уме Вернезара.

— Я хотел, — начал Вернезар, — предложить вам компромисс. Очевидно, поскольку вас назначил непосредственно архиепископ, вы занимаете более высокое положение, чем обычные священники. Но так как у вас нет прихода, вы ниже любого прелата Улистэйлейана. Это не кажется вам несправедливым?

Мне казалось, что это гарантирует всеобщее недовольство, которое со временем могло только усилиться. Анора пробормотал:

— Прелаты Улистэйлейана также не имеют приходов.

Вернезар сделал вид, что не слышит.

— Вы предлагаете мне должность в Улистэйлейане, — медленно проговорил я.

— Да, — ответил Вернезар.

Занарин, стоявшая рядом с ним, злобно смотрела на меня.

— Но если я соглашусь вступить в эту должность, — продолжал я, — мне придется подчиняться вам.

Последовала напряженная пауза.

— Значит, вы *отрицаете*, что по долгу службы обязаны подчиняться мне? — процедил Вернезар.

— Меня назначил на это место архиепископ, — ответил я. — А не вы.

— Вы утверждаете, что вы, простой Свидетель Мертвых, равны дач'отале Вернезару? — прошипела Занарин. — Если женщина из вашей семьи ухитрилась в свое время выйти замуж за императора, это еще не означает, что...

Вернезар перехватил ее взгляд, и она осеклась.

Да, существовала и третья причина, по которой Занарин меня недолюбливала, хотя лично мне было件ясно, какую выгоду мне могло бы принести родство с бездетной вдовствующей императрицей.

— В прежние времена, — вмешался Анора, намеренно глядя в сторону, — Свидетели Мертвых пользовались самым большим уважением среди прелатов Улиса.

Этим высказыванием Анора подлил масла в огонь — без сомнения, намеренно. Между священниками началась настоящая ссора. Вернезара возмутил намек на то, что его предложение недостаточно почетно для меня, а Занарин в принципе возражала против того, чтобы мне оказывали уважение. Гнев эльфийки имел под собой еще одну причину богословского характера — и, памятуя об этом, я подавил желание раз и навсегда отказаться от каких бы то ни было рангов, должностей и уважения. Занарин родилась и выросла в другом городе, и ей был свойственен южный скептицизм. Она сомневалась в том, что Свидетели Мертвых действительно могут говорить с покойными, и поэтому не желала предоставлять мне какую-либо должность и считаться с моим положением в иерархии.

Положение — это одно, подумал я, а выслушивать чуть ли не прямые обвинения во лжи — это совсем другое. Я не мог допустить, чтобы прелаты Амало пренебрежительно относились к моей работе. Неожиданно для самого себя я начал спорить и требовать статуса, который был мне не нужен — иначе пришлось бы согласиться с Занарин и признать, что мне вообще не следует иметь никакого статуса. Тем временем Вернезар и Анора не менее яростно спорили о традициях Улистэйлейана.

В итоге время было потрачено впустую: каждый остался при своем мнении, вопрос о моем положении так и не был решен, я не отверг компромисс Вернезара, но и не принял его предложения.

Я решил отправиться в городские бани. Я чувствовал себя нечистым.

Домой я вернулся уже в сумерках. Фонарщики с длинными шестами заканчивали свой вечерний обход. Торговцы опускали решетки на окнах лавок, ученики и младшие сыновья хозяев усердно подметали тротуары. Во дворе дома, где я жил, женщины снимали с веревок вывешенное на просушку белье. Увидев меня, они смущенно заулыбались и поприветствовали меня кивками. Я кивнул в ответ. Никому не хотелось быть излишне дружелюбным со Свидетелем Мертвых.

Я зашел в каморку привратника, чтобы забрать почту. Меня ждало письмо — простой конверт, дешевая сургучная печать. Почерк был знакомым.

Я пошел вверх по лестнице в квартиру. Железные перила, нагретые за день на солнце, теплели под ладонью. На площадке, аккуратно подложив под себя белые лапы, торчал один из местных котов. Кремовые и рыжие полосы на голове и боках делали его похожим на глазированную булочку с джемом.

Когда я открыл дверь, кот громко мяукнул, встал и потянулся. Вернувшись на лестницу, я обнаружил, что к нему присоединились две его сестры-жены и еще один кот, подросток, который был слишком юным, чтобы соперничать с рыжим, и его не гнали. Третья жена сидела в тени на ступенях пролета, ведущего на верхний этаж, — слишком робкая, она не спускалась к моей двери, пока я был на лестнице. За мной наблюдали девять ярко-голубых глаз (кошка собольего окраса когда-то получила травму, и на правом глазу у нее образовалась катаракта). Я поставил на пол четыре блюда и разложил на них разделенное поровну содержимое банки сардин.

Я сидел на пороге и смотрел, как они едят; меня забавляло то, как каждый из них бдительно охранял свою тарелку от трех соперников. Пятая, боязливая кошка, темно-коричневая с черными полосами — наверное, самая крупная из всей компании, — в свою очередь, наблюдала из тени и ждала, не сводя с меня глаз. Никого из них нельзя было назвать ручным, но пятой, видимо, пришлось в свое время столкнуться с насто-

ящей жестокостью. Я не стал давать им имен. Имена обладают слишком большой властью, ни к чему было наделять ими животных, которые целыми днями бродят по городу и появляются у моей двери только тогда, когда им хочется есть. Я не давал им имен и не впускал их в свое жилище.

Доев рыбу, слепая на один глаз кошка подошла ко мне и потерлась головой о мою ногу. Я почесал ее за ушами, похожими на маленькие парусники, и она замурыкала — этот негромкий глухой звук напомнил мне шум двигателей воздушного корабля. Остальные кошки, не обращая на нас внимания, покончили с едой и скрылись.

Спустя некоторое время полуслепая кошка легонько прикусила мне руку, давая понять, что с нее достаточно. Я проводил ее взглядом, наблюдая, как она спускается по лестнице, маленькая и невозмутимая, а потом ушел в квартиру, чтобы пятая, самая осторожная кошка смогла прийти и доесть остатки.

Вернувшись домой, я первым делом снял и бережно повесил в шкаф официальный сюртук — он был сшит из шелка и, наверное, стоил больше, чем весь мой гардероб, — и надел свой самый любимый из трех сюртуков, черный с жемчужно-серой вышивкой на планке и манжетах. Мне уже дважды приходилось заново подшивать подол и латать локти, но в целом сюртук еще был прочным и выглядел прилично. Посмотрев на себя в небольшое зеркало, я увидел, что волосы после бани беспорядочно вьются, и потратил минут пять на то, чтобы причесаться.

Я заплел волосы в косу и соорудил скромную прическу, подобающую прелату.

Закрепил косу шпильками с жемчужными головками, как меня учили в молодости, когда я был еще послушником, — так, чтобы не было видно металла, только жемчужины. Но и жемчуг был почти невидим на фоне белизны моих волос. Закончив, я украсил конец косы новой черной лентой. Комплект шпилек был, наверное, самым дорогим предметом в моем гардеробе — после официального сюртука — несмотря на то, что жемчужины, на самом деле, были не настоящими, а стеклянными. Серьги у меня были из латуни.

Потом я вскрыл письмо.

Отправитель не стал тратить времени на приветствия, просто написал: «Встречаемся в “Речном коте” сегодня вечером».

Я вышел из квартиры до наступления темноты, чтобы не пришлось зажигать лампу — муниципальные службы очень строго подходили к измерению количества израсходованного газа и пара, и я старался как можно реже включать освещение и отопление. По приказу архиепископа прелатство Амало было обязано выплачивать мне жалованье, но платили мало и неохотно, начальство ворчало из-за каждого зашана.

Квартал Авиаторов Амало был известен множественством чайных. Буквально в двух шагах от моего дома их было пять: «Мечта рыжего пса», «Жемчужное кольцо», «Дерево Ханево», «У Менделара» и «Речной кот». Точнее, шесть, если считать принадлежавший фабрике «Чайный лист», который я не считал. Боль-

ше всего мне нравилась чайная «Дерево Ханево»; в «Речном коте» труднее было предаваться молчаливым размышлениям, сюда приходили шумные семьи и влюбленные парочки.

Чайная представляла собой длинное помещение, разгороженное на узкие кабинки. Я прошел мимо двух нервозных молодых пар, шумного семейства с шестью или семью детьми (белобрысых отпрысков было сложно пересчитать), почтенного мужчины и его еще более почтенной супруги, которые сидели рядом и медленно пили по очереди из одной чашки. Это был очень старый ритуал ухаживания, о нем в детстве мне рассказывала бабушка по материнской линии, из рода Велверада. Две женщины — судя по сходству, сестры — читали один и тот же экземпляр «Вестника Амало», разложенный перед ними на столе: одна сестра читала нормально, а вторая вверх ногами.

Кабинки, расположенные в глубине зала, были наименее популярны, но мне там нравилось. Я мог сидеть, прислонившись спиной к теплой, обшитой шпоном стене, и быть уверенным в том, что никто не подкрадется ко мне сзади. Свидетели *вел ама* легко наживали врагов, а я был не склонен сдаваться.

Юный слуга принес мне чайник, чашки и крошечные песочные часы, которые отмеряли время заварки. Я предпочитал темный горький орчор, но он возбуждающе действовал на нервы — если я пил его вечером, то не мог уснуть до рассвета. В тот вечер я выбрал некрепкий чай исеврен и решил побаловать себя большой ложкой меда.

